

Аркадий и Борис
СТРУГАЦКИЕ
Двойная звезда

БОРИС ВИШНЕВСКИЙ

Борис Вишневский

Аркадий и Борис
Стругацкие: Двойная звезда

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Вишневский Б. Л.

Аркадий и Борис Стругацкие: Двойная звезда /
Б. Л. Вишневский — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Второе, дополненное издание книги Бориса Вишневского - известного петербургского публициста, обозревателя «Новой газеты», лауреата премии Союза журналистов «Золотое перо России», депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, приурочено к 80-летию Бориса Натановича Стругацкого. Книга снабжена уникальными фотографиями (большинство – из личного архива Б.Н.Стругацкого), относящимися, в том числе, к периоду двадцатых-пятидесятых годов XX века. Подавляющее большинство их них до первого издания книги никогда не публиковалось.

© Вишневский Б. Л., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

От автора

Если бы лет двадцать назад кто-нибудь сказал, что мне предстоит написать книгу о братьях Стругацких, – счел бы это шуткой. Во-первых, трудно было представить себе написание книги вообще. Во-вторых, еще труднее было представить, что я стану писать книгу не по основной моей специальности. (Математика, которой я занимался всю свою сознательную жизнь, не имеет никакого отношения к литературе вообще и к фантастике в частности.) А в-третьих, совсем невозможно было вообразить себе написание книги о людях, мимолетная встреча с которыми – и то представлялась недостижимой мечтой...

И все же эта книга – перед вами.

Эта книга написана благодарным читателем книг АБС (это сокращенное «обозначение» Аркадия и Бориса Стругацких давно стало классическим) для других их благодарных читателей. Для тех, кто, как и я, свято уверен: братья Стругацкие были всегда, есть и пребудут во веки. И главным образом – для поколения, выросшего вместе с Владимиром Юрковским и Иваном Жилиным, благородным доном Руматой и бароном Пампой, Леонидом Горбовским и Геннадием Комовым, Максимом Каммерером и Рудольфом Сикорски, Кристобалем Хунтой и Романом Ойрой-Ойрой...

Впрочем, о поколении – отдельно.

Тем, кто любит Стругацких, – условно говоря, от девяноста пяти до пятнадцати лет: четыре поколения читателей. Но первые два из них – предвоенные, и ничто не могло повлиять на них сильнее Великой Отечественной. Последнее – те, кому сегодня меньше сорока, – формировалось в горбачевскую эпоху, когда рухнул «железный занавес»...

И лишь для моего поколения – родившегося в первое послевоенное десятилетие – фантастика вообще и творчество АБС в особенности стали в значительной мере определяющими. Годы, когда мы росли, почти точно пришлись на годы правления «дорогого Леонида Ильича»: 1964–1982. Эпоха, последовавшая сразу за хрущевской «оттепелью» и впоследствии названная застойной.

Времена разоблачения культа личности, Двадцатого съезда, выноса Сталина из Мавзолея – в общем, первый «плоток свободы» – остались позади. Как следует прочувствовать эту эпоху мы не успели. Правда, не успели и затосковать, как предыдущее поколение Великих Шестидесятников. То, которое дало нам Сахарова, Окуджаву, Галича и братьев Стругацких. И которое, увы!, за все прошедшие после «оттепели» годы (включая нынешние), кажется, так и не смогло заглушить в себе страх перед возвращающимся прошлым, уже пережитым ими в дни их молодости...

Мы все-таки были другими – не лучшими, конечно. Просто другими.

Аресты, допросы, лагеря и ссылки – всего этого мы не прошли. В начале пути мы верили в утопию – и лишь потом порастеряли иллюзии: Чехословакия 1968-го и Афганистан 1979-го заставили расстаться с надеждой на социализм с человеческим лицом.

В начале пути мы верили, что культ Иосифа больше не вернется.

Но он был успешно заменен культом Леонида.

В начале пути мы верили, что гайки отпущены. Но убедились, что их закручивают снова.

Чтобы читатель лучше понял, какое наступило время этак году к 1967-му – если кто не помнит, к 50-летию ВОСР, то бишь Великой Октябрьской Социалистической Революции, как тогда было принято именовать большевистский переворот), – процитирую Бориса Натановича:

Слухи о реабилитации Сталина возникали теперь чуть не ежеквартально. Фанфарно отгремел смрадный и отвратительный, как газовая атака, процесс над Синявским и Даниэлем. По издательствам тайно распространялись начальством некие списки лиц, публикация коих представлялась нежелательной. Надвигалось 50-летие ВОСР, и вся идеологическая бюрократия по этому поводу стояла на ушах. Даже самому изумрудно-зеленому оптимизи-

сту ясно сделалось, что «оттепель» «прекратила течение свое» и пошел откат, да такой, что впору было готовиться сушить сухари... Сегодняшний читатель просто представить себе не может, каково было нам, шестидесятникам-семидесятникам, как беспощадно и бездарно давил литературу и культуру вообще всемогущий партийно-государственный пресс, по какому узенькому и хлипкому мосточку приходилось пробираться каждому уважающему себя писателю: шаг вправо – и там поджидает тебя семидесятая (или девяностая) статья УК, суд, лагерь, психушка, в лучшем случае занесение в черный список и выдворение за пределы литературного процесса лет эдак на десять; шаг влево – и ты в объятиях жлобов и бездарей, предатель своего дела, каучуковая совесть, иуда, считаешь-пересчитываешь поганые серебришки... Сегодняшний читатель понять этих дилемм, видимо, уже не в состоянии...

На наших глазах рассыпалась в прах «оттепель» шестидесятых, вокруг все больше громозились горы Большой Лжи и фарисейства, сладкие голоса вождей и их «популизаторов» пели о неуклонном приближении к коммунизму и великих достижениях, об отсутствии проблем, более сложных, чем конфликт между новым и старым способами выплавки стали... И все более казалось, что липкая паутина массового оболванивания почти всех отучила думать, спорить и сомневаться в истинах, объявленных вечными и неоспоримыми, что мир вокруг – чудовищен и нереален, все поставлено с ног на голову, ибо черное постоянно называют белым, глупость – мудростью, провалы – победами, а кривду – правдой.

Бороться с нарастающей вокруг духотой, лицемерием и ложью решались единицы.

Те, кто решался, – становился диссидентами, подписывал письма и выходил на площадь в свой назначенный час. После чего в лучшем случае садился в психушку, в худшем – в какой-нибудь Мордовлаг.

Те, кто не желал смириться, но не мог или не решался действовать, – искали себе «экологические ниши», отдушины, где мир снова становился нормальным, где разбивались кривые зеркала «соцреализма» и не было разрыва между совестью и разумом.

Главных отдушин было три. Авторская песня, туристские (большей частью горные) путешествия и – фантастика.

Соответствующими были и Учителя, которых мы себе выбрали. Юрий Визбор и Рейнгольд Месснер, Булат Окуджава и Иван Ефремов, Юлий Ким и Морис Эрцог, Александр Городницкий и Наоми Уемура, Александр Галич и Артур Кларк, Юрий Кукин и Роберт Шекли. И конечно – Аркадий и Борис Стругацкие.

Те, кто душой впитывал их книги, кажется, чем-то неуловимо отличались от других, интуитивно узнавали друг друга при встречах – фразы «из Стругацких» действовали как пароль, как признак единомышленника, равного тебе и понимающего тебя с полуслова, как опознавательный знак в полумраке застойной эпохи. Стоило услышать от незнакомого прежде человека что-нибудь типа «ваши ковры прекрасны, но мне пора», или «розги направо, ботинок налево», или «профессор Выбегалло кушал» – и становилось ясно: свой! Родственная душа! «Мы с тобой одной крови, ты и я!» Тебе не надо объяснять, что такое малогабаритный полевой синтезатор «Мидас», коллектор рассеянной информации и нуль-Т. И кто такие контрамоты...

С момента выхода первого издания «Двойной звезды» прошло десять лет.

После кончины Аркадия Натановича в октябре 1991 года, на Борисе Натановиче на два десятилетия сосредоточилась не просто читательская любовь к людям, на книгах которых мы выросли, но и любовь к Учителям, которые вырастили нас.

Мне выпало редкое, удивительное счастье – быть знакомым с Борисом Натановичем на протяжении двадцати с лишним лет.

Приезжать к нему домой, записывать десятки интервью, просто говорить с ним на интересные его темы. Ах, как жаль, что часть этих разговоров прошла без диктофона! А когда я

спохватывался – мол, Борис Натанович, можно я включу запись, эти Ваши рассуждения надо обязательно сохранить – БНС махал рукой, и отвечал «да бросьте вы, Боря, эти глупости»...

В последнее время, правда, БНС предпочитал давать интервью при помощи электронной почты, а навещать его можно было только изредка. И из дома он выходил только для того, чтобы пройти в больнице очередную «профилактику».

В апреле 2012-го на мое поздравление с днем рождения и пожелание здоровья он ответил лаконичным «Постараюсь!». А в августе, прочтя мой блог на сайте «Эха Москвы», – с параллелями между нашим «национальным лидером» и доном Рэбой из «Трудно быть богом», в финале книги превращающимся в «епископа и боевого магистра» и «наместника Святого Ордена в Арканарской области», написал мне: «Спасибо, Боря! Очень метко. Хотя, признаюсь, авторы целились совсем в другой типаж». В какой типаж – я, каюсь, так и не спросил. Но гениальное «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные» вспоминаю постоянно...

Мы понимали, что Борис Натанович не бессмертен – но как же хотелось, чтобы он подольше оставался с нами!

Говорить о своем здоровье он категорически не любил, и на все вопросы отвечал или «удовлетворительно», или «более-менее». А когда его спрашивали о планах на будущее, он обычно цитировал дневниковую присказку Льва Толстого, отвечая «ЕБЖ» (если буду жив)...

Последние дни БНС провел в больнице в тяжелейшем состоянии – к давним сердечным проблемам добавилась пневмония.

Врачи делали все, что могли – а мы, зная, насколько серьезна ситуация, все-таки надеялись на чудо.

Его не случилось.

Вечером 19 ноября позвонила давний друг Бориса Натановича, писатель Нина Катерли, с которой мы перезванивались все эти дни – и по ее подчеркнуто спокойному голосу все стало ясно...

Вечером 20-го мы с коллегами Кириллом Страховым и Андреем Циркуновым приехали к дому Бориса Натановича на улице Победы. Сделали его портрет, вставили в рамку, поставили около парадной, положили цветы, поставили свечу. Еще днем на стене дома кто-то из журналистов повесил рукописный плакат: «Б. Н. Стругацкий. 15.04.1933–19.11.2012».

Второе издание этой книги – дань памяти обоим Учителям. Аркадию и Борису Стругацким. По сравнению с первым изданием, добавлены интервью, записанные мной с Борисом Натановичем в 2003–2011 годах, статьи автора памяти БНС, и фотографии этого периода. Включены в книгу и «Фантастические письма» – диалог между БНС и Михаилом Ходорковским, который в апреле 2009 года печатала «Новая газета».

Двойная звезда «братья Стругацкие» перестала гореть. Но ее свет будет с нами всегда.

Низкий поклон вам, Учителя.

Когда-то вы написали: «Будущее создается тобой, но не для тебя». Вы создали это будущее.

Оно принадлежит тем, кого воспитали вы.

Борис Вишневский, декабрь 2012 года

Завещание Аркадия Натановича Стругацкого

Не может же быть, что все мы – сплошные идиоты!

Не убивайте.

Почитайте отца и мать, чтобы продлились дни ваши на земле.

Не пляшите с утра и до утра.

Возьмите иную цель жизни, нежели накладывать руку на чужое богатство и на женскую красоту.

Тысячелетия глядят на нас с надеждой, что мы не озвереем, не станем сволочью, рабами паханов и фюреров.

*Из предисловия А.Н. Стругацкого к 1-му выпуску альманаха «Завтра».
Москва, 1991 г.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ **Биографическая**

«Наша биография»

Вначале – слово Борису Натановичу Стругацкому

Признаюсь, я всегда был (и по сей день остаюсь) сознательным и упорным противником всевозможных биографий, анкет, исповедей, письменных признаний и прочих саморазоблачений – как вынужденных, так и добровольных. Я всегда полагал (и полагаю сейчас), что жизнь писателя – это его книги, его статьи, в крайнем случае – его публичные выступления; все же прочее: семейные дела, приключения-путешествия, лирические эскапады – все это от лукавого и никого не должно касаться, как никого, кроме близких, не касается жизнь любого, наугад взятого, частного лица. АН (Аркадий Натанович. – Прим. авт.) безусловно придерживался того же мнения, и поэтому предлагаемый вниманию читателя текст представляет собою документ, в творчестве АБС редкий и даже экзотический.

Откуда этот текст взялся, я помню смутно. Кажется, готовился какой-то перевод какого-то нашего романа – то ли в АПН, то ли в издательстве «Прогресс», – кажется, на испанский. А переводчиком был некий весьма настырный знакомец АН. И этот знакомец загорелся почему-то идеей нашей автобиографии и с АН буквально не слезал в течение нескольких месяцев. Дело кончилось тем, что осенью 86-го в Репино АН предложил моему вниманию этот вот самый текст.

Писали мы тогда, помнится, сценарий «Туча», работа шла туго, мы были раздражены, и я «Нашу биографию», помнится, раскритиковал вдрызг – за неточности, за «лояльности», за неправильности и вообще за то, что она появилась на свет. В ответ АН – вполне резонно – предложил мне самому «пройтись рукой мастера». Я с ужасом отказался, и вопрос на этом был закрыт.

Больше мы об этом никогда не говорили, и вторично я увидел «Нашу биографию» только несколько лет спустя, когда разбирал архивы АН. А в 1993 г. Владимир Борисов сообщил мне, что, оказывается, этот текст был передан ВААПом в одно из польских книжных издательств, где его и отыскал польский исследователь творчества АБС Войцех Кайтох.

Сообщение это меня удивило, но не слишком: видимо, знакомец-переводчик доел-таки в свое время АН и получил от него желаемое.

В основном и главном «Наша биография» вполне достоверна. Перефразируя известную формулу: она содержит правду, вполне достаточно правды, но не всю правду и не одну только правду. По мере сил и возможностей я дополнил этот текст своими собственными соображениями, некоторыми известными мне фактами, а равно и комментариями, – в тех случаях, когда мои представления о «правде» не вполне стыковались с представлениями АН. В самом тексте АН я не изменил ни слова. Хотел бы это подчеркнуть особо: ведь АН писал свой текст в те времена, когда перестройка еще лишь едва тлела, разгораясь, времена в общем и целом оставались «старыми, советскими» со всеми их онерами, и некоторые фразы в соответствии

с духом времени носят у АН ритуальный характер идеологических заклинаний, от чего мы, нынешние, уже, слава богу, успели отвыкнуть.

С учетом всех этих оговорок предлагаемый текст и надлежит читателю принимать. Или – не принимать.

АН. Аркадий родился 28 августа 1925 года в грузинском городе Батуми на берегу Черного моря. Борис родился 15 апреля 1933 года в русском городе Ленинграде на берегу Финского залива.

БН. Много лет назад мы развлекались, вычисляя «день рождения братьев Стругацких», то есть дату, равноудаленную от 28.08.1925 и 15.04.1933. Для людей, знакомых с (чисто астрономическим) понятием юлианского дня, задача эта не представляет никаких трудностей. День рождения АБС есть, оказывается, 21 июня 1929 года – день летнего солнцестояния. Желающие могут принять это обстоятельство к сведению и делать из него сколь угодно далеко идущие астрологические выводы.

АН. Семья наша была несколько необычной даже по меркам тогдашнего необычного времени – первого десятилетия после победы Великой Революции. Наш отец, Натан Стругацкий, сын провинциального адвоката, вступил в партию большевиков в 1916 году, участвовал в Гражданской войне комиссаром кавалерийской бригады и затем политработником у замечательного советского полководца Фрунзе, после демобилизации работал партийным функционером на Украине, причем по специальности он был искусствоведом, человеком глубоко и широко образованным. Мать же, Александра Литвинчева, была дочкой мелкого прасола (торгового посредника между крестьянами и купцами), простой, не очень грамотной девушкой. В родном городке на северо-востоке Украины она встретила с Натаном Стругацким, вышла за него замуж против воли родителей и, как водится, была проклята за мужа-еврея. В дальнейшем судьба их сложилась интересно и поучительно, при всех ее поворотах они верно и крепко любили друг друга, но мы пишем свою, а не их биографию и здесь заметим только, что в январе 1942 года отец, сотрудник знаменитой Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и командир роты народного ополчения, погиб при попытке выбраться из блокированного немцами города, а мать всего несколько лет назад тихо скончалась пенсионером, в звании заслуженной учительницы Российской Федерации и кавалера ордена «Знак Почета».

Вскоре после рождения Аркадия отец был направлен на партийную работу в Ленинград, там Аркадий вырос и прожил до ужасного января 1942 года. За это время родился его младший брат и будущий соавтор Борис Стругацкий.

БН. Я почти не помню отца. Все, что я знаю о нем, известно мне от мамы, в частности – из оставленных ею воспоминаний. Он был честнейшим и скромнейшим человеком. Он был верным большевиком-ленинцем, безукоризненно выполнявшим любую работу, на которую бросала его партия. Никаких особо высоких постов никогда не занимал, но во время и сразу после Гражданской, по утверждению мамы: «Носил на френче два ромба. По тому времени это чин генерала». Потом в Батуми, после демобилизации, был редактором газеты «Трудовой Аджаристан». Потом в Ленинграде – сотрудником Главлита. Потом, в 1933 году (в день моего рождения!) брошен был на сельское хозяйство – начальником политотдела Прокопьевского зерносовхоза в Западной Сибири. А в 1936 году назначен был «начальником культуры и искусств города Сталинграда». (Видимо, заведующим отдела культуры то ли горкома партии, то ли горисполкома.) Здесь в 1937 году его исключили из партии – формально за антипартийные и антисоветские высказывания («заявлял, что Н. Островский – щенок по сравнению с Пушкиным, и утверждал, что советским художникам надо учиться у иконописца Рублева»), а фактически за то, видимо, что стоял у тамошнего начальства поперек горла: «...запретил бесплатные ложи и первые кресла для начальства, ввел для начальства платный вход в театр и кино, отменил всяческие начальственные льготы, изучил бухгалтерию, обнаружил незаконные

перерасходы, ложные накладные» и пр. Как я теперь понимаю – чудом избежал ареста и уничтожения, ибо сразу же уехал в Москву хлопотать о восстановлении и хлопотал об этом всю оставшуюся жизнь. В июне 1941-го пришел в военкомат, но в действующую армию его не взяли – 49 лет и порок сердца. А в ополчение – взяли, уже в конце сентября, когда блокада стала свершившимся фактом, и он успел еще повоевать на Пулковских высотах, но в январе 1942-го был комиссован вчистую – опухший от голода, полумертвый, с останавливающимся сердцем.

АН. Началась война, город осадили немцы и финны. Аркадий участвовал в строительстве оборонительных сооружений, затем, осенью и в начале зимы 41 года, работал в мастерских, где производились ручные гранаты. Между тем положение в осажденном городе ухудшалось. К авиационным налетам и бомбардировкам из сверхтяжелых мортир прибавилось самое худшее испытание: лютый голод. Мать и Борис кое-как еще держались, а отец и Аркадий к середине января 42-го были на грани смерти от дистрофии. В отчаянии мать, работавшая тогда в районном исполкоме, всунула мужа и старшего сына в один из первых эшелонов на только что открытую «Дорогу жизни» через лед Ладожского озера.

БН. Это было не совсем так. Тогдашняя мамина работа в Выборгском райжилотделе здесь совсем ни при чем. Просто открылась возможность уехать вместе с последней партией сотрудников Публичной библиотеки, которые не успели эвакуироваться вместе с библиотекой еще осенью в город Мелекесс. В семье считалось, что малолетний Борис эвакуации не выдержит, и потому заранее решено было разделиться. Все произошло внезапно. «...Паровоз был уже под парами, – пишет мама. – Когда я вернулась с работы, их уже не было. Один Боренька сидел в темноте – в страхе и в голоде...» Мне кажется, я запомнил минуту расставания: большой отец, в гимнастерке и с черной бородой, за спиной его, смутной тенью, Аркадий, и последние слова: «Передай маме, что ждать мы не могли...» Или что-то в этом роде.

АН. Мать и Борис остались в Ленинграде, и, как ни мучительны были последующие месяцы блокады, это все же спасло их. На «Дороге жизни» грузовик, на котором ехали отец и Аркадий, провалился под лед в воронку от бомбы. Отец погиб, а Аркадий выжил. Его с грехом пополам довели до Вологды, слегка подкормили и отправили в Чкаловскую область (ныне Оренбургская). Там он оправился окончательно и в 43-м был призван в армию.

БН. Они уехали 28 января 1942 года, оставив нам свои продовольственные карточки на февраль (400 грамм хлеба, 150 граммов «жиров» да 200 граммов «сахара и кондитерских изделий»). Эти граммы, без всякого сомнения, спасли нам с мамой жизнь, потому что февраль 1942-го был самым страшным, самым смертоносным месяцем блокады. Они уехали и исчезли, как нам казалось тогда – навсегда. В ответ на отчаянные письма и запросы, которые мама слала в Мелекесс, в апреле 42-го пришла одна-единственная телеграмма, беспощадная, как война: «натан стругацкий мелекесс не прибыл».

Это означало смерть. (Я помню маму у окна с этой телеграммой в руке – сухие глаза ее, страшные и словно слепые.) Но 1 августа 42 в квартиру напротив, где до войны жил школьный дружок АН, пришло вдруг письмо из райцентра Ташла, Чкаловской области. Само это письмо не сохранилось, но сохранился список с него, который мама сделала в тот же день.

«Здравствуй, дорогой друг мой! Как видишь, я жив, хотя прошел, или, вернее, прополз через такой ад, о котором не имел ни малейшего представления в дни жесточайшего голода и холода. <...> Мы выехали морозным утром 28 января. Нам предстояло проехать от Ленинграда до Борисовой Гривы – последней станции на западном берегу Ладожского озера. Путь этот в мирное время проходил в два часа, мы же, голодные и замерзшие до невозможности, приехали туда только через полутора суток. Когда поезд остановился и надо было вылезать, я почувствовал, что совершенно околел. Однако мы выгрузились. Была ночь. Кое-как погрузились в грузовик, который должен был отвезти нас на другую сторону озера (причем шофер ужасно матерился и угрожал ссадить нас). Машина тронулась. Шофер, очевидно, был новичок, и не прошло и часа, как он сбился с дороги и машина провалилась в полынью. Мы

от испуга выскочили из кузова и очутились по пояс в воде (а мороз был градусов 30). Чтобы облегчить машину, шофер велел выбрасывать вещи, что пассажиры выполнили с плачем и ругательствами (у нас с отцом были только заплечные мешки). Наконец машина снова тронулась, и мы, в хрустящих от льда одеждах, снова влезли в кузов. Часа через полтора нас доставили на ст. Жихарево – первая заозерная станция. Почти без сил мы вылезли и поместились в бараке. Здесь, вероятно, в течение всей эвакуации начальник эвакуопункта совершал огромное преступление – выдавал каждому эвакуированному по буханке хлеба и по котелку каши. Все нажились на еду, и, когда в тот же день отправлялся эшелон на Вологду, никто не смог подняться. Началась дизентерия. Снег вокруг бараков и нужников за одну ночь стал красным. Уже тогда отец мог едва передвигаться. Однако мы погрузились. В нашей теплушке, или, вернее, холодушке, было человек 30. Хотя печка была, но не было дров. <...> Поезд шел до Вологды 8 дней. Эти дни, как кошмар. Мы с отцом примерзли спинами к стенке. Еды не выдавали по 3–4 дня. Через три дня обнаружилось, что из населения в вагоне осталось в живых человек пятнадцать. Кое-как, собрав последние силы, мы сдвинули всех мертвецов в один угол, как дрова. До Вологды в нашем вагоне доехало только одиннадцать человек. Приехали в Вологду часа в 4 утра. Не то 7-го, не то 8-го февраля. Наш эшелон завезли куда-то в тупик, откуда до вокзала было около километра по путям, загроможденным длиннейшими составами. Страшный мороз, голод и ни одного человека кругом. Только чернеют непрерывные ряды составов. Мы с отцом решили добраться до вокзала самостоятельно. Спотыкаясь и падая, добрались до середины дороги и остановились перед новым составом, обойти который не было возможности. Тут отец упал и сказал, что дальше не сделает ни шагу. Я умолял, плакал – напрасно. Тогда я озверел. Я выругал его последними матерными словами и пригрозил, что тут же задушу его. Это подействовало. Он поднялся, и, поддерживая друг друга, мы добрались до вокзала. Больше я ничего не помню. Очнулся в госпитале, когда меня раздевали. Как-то смутно и без боли видел, как с меня стащили носки, а вместе с носками кожу и ногти на ногах. Затем заснул. На другой день мне сообщили о смерти отца. Весть эту я принял глубоко равнодушно и только через неделю впервые заплакал, кусая подушку...»

Ему, шестнадцатилетнему дистрофику, еще предстояло тащиться через всю страну до города Чкалова – двадцать дней в измученной, потерявшей облик человеческий, битой-перебитой толпе эвакуированных («выковыренных», как их тогда звали по России). Об этом куске своей жизни он мне никогда и ничего не рассказывал. Потом, правда, стало полегче. В Ташле его, как человека грамотного (десять классов), поставили начальником «маслопрома» – пункта приема молока у населения. Он отъелся, кое-как приспособился, оклемался, стал писать в Ленинград, послал десятки писем – дошло всего три, но хватило бы и одного: мама тотчас собралась и при первой же возможности, схватив меня в охапку, кинулась ему на помощь. Мы еще успели немножко пожить все вместе, маленькой ампутированной семьей, но в августе Аркадию исполнилось семнадцать, а 9 февраля 43-го он уже ушел в армию. Судьба его была – окончив Актюбинское минометное училище, уйти летом 43-го на Курскую дугу и сгинуть там вместе со всем своим курсом. Но... АН. Судьба распорядилась так, что он стал слушателем японского отделения восточного факультета Военного института иностранных языков. За время его службы в этом качестве ему довелось быть свидетелем и участником многих событий, но для настоящей биографии имеет смысл отметить только два: самое счастливое – Победа над немецким фашизмом и японской военщиной в 1945 году; и самое интересное – в 46-м его, слушателя третьего курса, откомандировали на несколько месяцев работать с японскими военнопленными для подготовки Токийского и Хабаровского процессов японских военных преступников. Было еще и событие глупое: перед выпуском в 49-м году Аркадий скоропалительно женился, и не прошло и двух лет, как молодая жена объявила, что вышла ошибка, и они разошлись. Слава богу, детей у них не случилось.

После окончания института и до демобилизации в 55-м году Аркадий служил на Дальнем Востоке, и это был, вероятно, самый живописный период в его жизни. Ему довелось испытать мощное землетрясение. Он был свидетелем страшного удара цунами в начале ноября 52 года. Он принимал участие в действиях против браконьеров (это было очень похоже на то, что в свое время описал Джек Лондон в своих «Приключениях рыбацкого патруля»)… И еще возникло тогда некое обстоятельство, которое в значительной степени определило его (и Бориса) дальнейшую судьбу. Судьбу писателей.

В марте, кажется, 1954 года американцы взорвали на одном из островков Бикини свою первую водородную бомбу. Островок рассыпался в радиоактивную пыль, и под мощный выпад этой «горячей пыли», «пепла Бикини», попала японская рыболовная шхуна «Счастливый Дракон № 5». По возвращении к родным берегам весь экипаж ее слег от лучевой болезни в самой тяжелой форме. Теперь это уже история – и порядком даже подзабытая, а в те дни и месяцы мировая пресса очень и очень занималась всеми ее перипетиями.

И именно в те дни и месяцы Аркадий по роду своих обязанностей на службе ежедневно имел дело с периодикой стран Дальневосточного «театра» – США, Австралии, Японии и т.д. Вместе со своим сослуживцем Львом Петровым изо дня в день Аркадий следил за событиями, связанными со злосчастным «Драконом». И вот, когда умер Акинори Кубояма, радист шхуны, первая жертва «пепла Бикини», Лев Петров объявил, что надлежит написать об этом повесть. Он был очень активным и неожиданным человеком, Лева Петров, и идеи у него тоже всегда были неожиданные. Но писать Аркадию давно хотелось, только раньше он об этом не подозревал. И они вдвоем с Львом Петровым написали повесть «Пепел Бикини». (Впоследствии Лев Петров стал большим чином в советском агентстве печати «Новости», Аркадий не раз встречался с ним в Москве, хотя пути их разошлись. Он безвременно умер в середине 60-х.)

БН. «…Писать Аркадию давно хотелось, только раньше он об этом не подозревал…» Еще как подозревал! Уже написаны к тому времени были и «Как погиб Канг», и рассказик «Первые», и вовсю шла подготовка к будущей «Стране багровых туч»… Я не говорю уж о зубодробительном фантастическом романе «Находка майора Ковалева», написанном (от руки, черной тушью, в двух школьных тетрадках) перед самой войной и безвозвратно утраченном во время блокады.

АН. К огромному изумлению Аркадия, «Пепел Бикини» был напечатан. Сначала в журнале «Дальний Восток» (во Владивостоке), затем в журнале «Юность» и отдельной книжкой в издательстве «Детгиз» (в Москве). Но это было уже после демобилизации Аркадия.

А демобилизовался он в июне 55-го и сначала поселился у мамы в Ленинграде. К тому времени он был уже второй раз женат, и у него было двое детей – дочка трех лет и дочка двух месяцев. И в Ленинграде он крепко и навсегда сдружился с братом своим, Борисом. До того братья встречались от случая к случаю, не чаще раза в год, когда Аркадий приезжал в отпуск – сначала из Москвы, затем с Камчатки и из Приморья. И вдруг Аркадий обнаружил не юнца, заглядывающего старшему брату в рот, а зрелого парня с собственными суждениями обо всем на свете, современного молодого ученого, эрудита и спортсмена. Он закончил механико-математический факультет Ленинградского университета по специальности «звездный астроном», был приглашен аспирантом в Пулковскую обсерваторию и работал там над проблемой происхождения двойных и кратных звезд.

Выяснилось, что у нас сходные взгляды на науку и литературу, выяснилось также, что и Бориса давно уже тянет писать, а к шансам на опубликование «Пепла Бикини» он отнесся скептически, и не потому, что повесть так уж плоха, а просто не верит он, что в писатели выходят так легко. Много, много было у нас бесед, споров и совещаний за те месяцы, последние месяцы 55 года.

В начале 56 года Аркадий переехал в Москву и для начала поступил работать в Институт научной информации, а затем перешел в Восточную редакцию крупнейшего в стране издательства художественной литературы, именовавшегося тогда Гослитиздат.

Как уже упоминалось, за это время трижды была опубликована повесть Л. Петрова и А. Стругацкого «Пепел Бикини», и Борис Стругацкий поверил наконец, что не боги горшки обжигают, и мы написали первое свое научно-фантастическое произведение «Страна багровых туч» и отдали его в издательство «Детская литература», и уже рукопись этого произведения удостоилась премии на конкурсе Министерства просвещения Российской Федерации, а в 59-м повесть вышла первым изданием, и еще ее переиздавали в 60 и 69 году.

И мы принялись работать.

1960 – «Путь на Амальтею», «Шесть спичек». 1961 – «Возвращение (Полдень, XXII век)». 1962 – «Стажеры», «Попытка к бегству».

1963 – «Далекая Радуга».

1964 – «Понедельник начинается в субботу».

Одновременно Аркадий активно занимался переводами японской классики.

Одновременно Борис ходил в археологические экспедиции и участвовал в поисках места для сооружения телескопа-гиганта, а также обучался на инженера-программиста.

БН. Уточнение. Борис никогда не обучался на инженера-программиста. Диссертацию ему защитить не удалось, ибо в последний момент (вот это был удар!) выяснилось, что построенная им, не лишенная изящества теория уже была построена и даже опубликована в малоизвестном научном журнале еще в 1943 году. Автором этой теории был, правда, великий Чандрасекар, но от этого было не легче. Диссертация рухнула. Борис пошел работать на Пулковскую счетную станцию в должности «инженера-эксплуатационника по счетно-аналитическим машинам». Профессионального ученого из него не вышло, хотя еще много-много лет он с огромным удовольствием занимался разнообразными теоретическими изысканиями в области звездной астрономии. Но только как любитель. И, как любитель, самопально осваивал программирование на ЭВМ, сделавшись со временем не самым безнадежным из «юзеров-чайников».

АН. Собственно, можно утверждать, что событийная часть нашей биографии закончилась в 56 году. Далее пошли книги. (Кто-то не без тонкости заметил: биография писателя – это его книги.) Но никогда не бывает вредно определить причинно-следственные связи времени и событий.

Почему мы посвятили себя фантастике? Это, вероятно, дело сугубо личное, корнями своими уходящее в такие факторы, как детские и юношеские литературные пристрастия, условия воспитания и обучения, темперамент, наконец. Хотя и тогда еще, когда писали мы фантастику приключенческую и традиционно-научную, смутно виделось нам в фантастическом литературном методе что-то мощное, очень глубокое и важное, исполненное грандиозных возможностей. Оно определилось для нас достаточно явственно несколько позже, когда мы набрались опыта и овладели ремеслом: фантастическому методу имманентно присуще социально-философское начало, то самое, без которого немыслима высокая литература. Но это, повторяем мы, сугубо личное. Это – в сторону.

Гораздо уместнее ответить здесь на другой вопрос: какие внешние обстоятельства определили наш успех с первых же наших шагов в литературе? Этих обстоятельств по крайней мере три.

Первое. Всемирно-историческое: запуск первого спутника в 57-м. Второе. Литературное: выход в свет в том же 57-м великолепной коммунистической утопии Ивана Ефремова «Туманность Андромеды».

Третье. Издательское: наличие в те времена в издательстве «Молодая Гвардия» и в издательстве «Детская литература» превосходных редакторов, душевно заинтересованных в возрождении и выходе на мировой уровень советской фантастики.

Совпадение во времени этих обстоятельств и нашего выхода на литературную арену и определило, как нам кажется, наш успех в 60-х годах.

БН. И снова уточнение. По поводу составляющих успеха.

Наши добрые друзья и замечательные редакторы: Сергей Георгиевич Жемайтис, Бела Александровна Клюева и Нина Матвеевна Беркова – да, несомненно! Без них нам было бы вдвое тяжелее, они защищали нас перед тупым и трусливым начальством, отстаивали наши тексты в цензуре, «пробивали» нас в издательские планы – в те времена, когда Издатель был – ВСЕ, а Писатель, в особенности начинающий, – НИЧТО.

«Туманность Андромеды» – да, пожалуй. Ефремов продемонстрировал нам, молодым тогда еще щенкам, какой может быть советская фантастика – даже во времена немцовых, сапаниных и охотниковых, – вопреки им и им в поношение.

Но вот при чем здесь искусственный спутник?

Другое дело, что нам повезло начинать литературную работу свою в период «первой оттепели»; когда одна за другой стали раскрываться страшные тайны мира, в котором нам довелось родиться и существовать; когда весь советский народ, вся наша несчастная Страна Дураков начала стремительно уметь и понимать – и нам довелось и повезло уметь и понимать вместе со всеми, совсем ненамного обгоняя большинство и, слава богу, отнюдь от него не отставая. Открытия, которые мы делали для себя, становились одновременно открытиями и для самых квалифицированных из наших читателей – и именно их любовь и признание обеспечили наш тогдашний успех.

АН. Ну а дальше все покатилося практически само собой. В 1964 году нас приняли в Союз писателей, и творчество наше было окончательно узаконено.

Итак, биография по сегодняшний день закончена. А что такое мы сегодня?

Аркадию Стругацкому 61 год. У него ишемическая болезнь, ни единого зуба во рту (проклятая блокада!), и он испытывает сильную усталость.

Борису Стругацкому 53 года. Он пережил инфаркт, и у него вырезали желчный пузырь (тоже блокада).

БН. «Ну-ну-ну!» – укоризненно приговаривал, помнится, Борис, прочитав это место „Биографии“. – Это ты, брат, хватанул! При чем здесь блокада?..» По крайней мере, желчный пузырь его, без всякого сомнения, был жертвой отнюдь не блокады, а, наоборот, – самого простительного из смертных грехов, чревоугодия. Единственное последствие блокады, которое он в себе действительно наблюдает, – это почти болезненная бережливость, когда рука не поднимается выбросить зачерствелую, забытую в хлебнице горбушку. Но это уж, видимо, навсегда.

АН. В семейной жизни мы вполне счастливы. У Аркадия жене 60, две дочери, внучка и внук. У Бориса жене 54, сын и внук.

Наши друзья нас любят, враги же ненавидят и справедливо опасаются нас. Кстати, о друзьях и врагах. Друзья наши – люди значительные, среди них – крупные ученые, космонавты, труженики-врачи, деятели кино. А враги, как на подбор, все мелкие, бездарные, взаимозаменяемые, но зато некоторые занимают административные посты... Аркадий – никудышный общественник. На международные конференции его не посылают. Он даже не числится в Совете по фантастической литературе. Справедливо, наверное. А Борис уже много лет ведет один из самых мощных Семинаров молодых писателей-фантастов в стране, член правления Ленинградской писательской организации, член местной приемной комиссии.

БН. Аркадий скромничает. Не такой уж он никудышный общественник. Неоднократно и на протяжении многих лет избирался он членом различных редколлегий, был членом обоих Советов по фантастике (РСФСР и СССР) и даже, кажется, председателем одного из них. Другое дело, что мы никогда не придавали значения общественной деятельности такого рода (если не считать только работы Бориса в Семинаре молодых фантастов – работы, которую он любит и которой гордится).

АН. Аркадий наделал в жизни своей много глупостей и потерял много драгоценного времени. Борис может отчитаться за каждый поступок в своей жизни.

БН. Ума не приложу, что здесь имеется в виду. Скорее всего, то обстоятельство, что семейная жизнь старшего не всегда была безоблачной – в отличие от семейной жизни младшего.

АН. Мы написали 25 повестей (не считая рассказов, предисловий, статей). Насколько нам известно, 22 наших повести переведены и опубликованы за рубежом в 24-х странах 150 изданиями и переизданиями.

Аркадий продолжает работать над переводами японской классической прозы (главным образом средневековой). Борис может по 12–14 часов в сутки не отходить от своего домашнего компьютера.

Мы являемся лауреатами одной отечественной и нескольких зарубежных литературных премий. По нашим сценариям снято четыре фильма: один очень скверный, два сносных и один на мировом уровне.

Нас не покидает, а наоборот, все усиливается ощущение, что самая наша лучшая, самая нужная книга еще не написана, между тем как писать становится все трудней – и не от усталости, а от стремительно нарастающей сложности проблематики, интересующей нас.

Аминь.

Москва, 20 августа 1986 года.

Санкт-Петербург, 22 апреля 1998 года.

12 октября 1991 года Аркадий Натанович Стругацкий скончался после тяжелой и продолжительной болезни. Писатель «А. и Б. Стругацкие» перестал существовать.

ДОКУМЕНТ

Настоящим удостоверяется, что 06 декабря 1991 года прах Аркадия Натановича Стругацкого, писателя, был принят на борт вертолета МИ-2, бортовой номер 23572, и в 14 часов 14 минут развеян над землей в точке пространства, ограниченной 55 градусам и 33 минутами северной широты, 38 градусами 02 минутами 40 секундами восточной долготы.

Воля покойного была исполнена в нашем присутствии.

Черняков Ю. И. Соминский Ю. З. Мирер А. И. Ткачев М. Н. Гуревич М. А. Пенников Г. И. Составлено в количестве восьми пронумерованных экземпляров.

19 ноября 2012 года Борис Натанович Стругацкий скончался после продолжительной и тяжелой болезни.

Согласно его воле, его прах также был развеян с вертолета.

«Это была потеря половины мира»

Борис Стругацкий – об Аркадии Стругацком

Борис Вишневский (БВ). В глазах подавляющего большинства поклонников творчества братьев Стругацких вы с Аркадием Натановичем абсолютно неотделимы друг от друга. Но все же какие-то существенные отличия у вас были?

БН. Что неотделимы – это, что называется, «медицинский факт»: не существует двух авторов, Аркадия и Бориса Стругацких, которые писали вдвоем, есть один автор – братья Стругацкие. Но при всем при том мы, конечно, были очень разными людьми. Хотя в разное время у нас были разные отличия – в последние годы, например, мы стали похожи друг на друга так, как становятся похожи долго прожившие вместе супруги. Аркадий Натанович был более общительным и более веселым человеком, чем я, он был оптимистом, всегда верил в лучший исход – а я всегда исходил из худшего. Он был педантичен и аккуратен – а я ленив и небре-

жен. Он был эмоционален и склонен к экспромтам, я – более логичен и расчетлив. Он был отчаянный гедонист и всю жизнь пользовался невероятным успехом у женщин – я никогда не отличался этими качествами...

БВ. О вашем методе совместного написания книг сложено великое множество легенд. Начиная с того, что вы с братом, живущие соответственно в Ленинграде и Москве, встречаетесь в буфете станции Бологое, напиваетесь чаю и садитесь писать, и заканчивая тем, что Аркадий Натанович представлял собой столь брызжащий идеями фонтан, что только Вы могли его остановить и заявить: «Стоп! Это мы записываем» – и начиналась Книга...

БН. Враки это все, Боря! Легенду о буфете в Бологом я и комментировать не буду – тем более что есть значительно более сочная: Стругацкие съезжаются на подмосковной правительственной даче, накачиваются наркотиками до одури – и за машинку... А что касается нашего творческого метода, то, во-первых, Аркадий Натанович вовсе не был никаким «фонтаном», нуждающемся в затыкании. Конечно, он был прекрасным рассказчиком, всегда верховодил на любом застолье, когда он был в ударе, рассказы складывались у него как бы сами собой, и все они были блестящими и готовыми к немедленной публикации. Правда, в последние годы он сделался гораздо менее разговорчив и куда более сдержан... А работали мы всегда именно так, как всем честно рассказывали, – хотя в это никто почему-то не верит: слово за словом, фраза за фразой, страница за страницей. Один сидит за машинкой, другой рядом. Каждая предлагаемая фраза обсуждается, критикуется, шлифуется и либо отбрасывается совсем, либо заносится на бумагу. Другого разумного способа нет! А этот, между прочим, вовсе не так сложен, как некоторым кажется.

БВ. И все-таки: какое-то «разделение труда» у вас было?

БН. В основном последние лет двадцать пять оно было таким: Аркадий Натанович сидел за пишущей машинкой, а я – рядом, сидел или лежал на диване. Иногда ходил. Аркадий Натанович утверждал, что я печатаю плохо и неаккуратно. Ну и я с удовольствием соглашался с такой оценкой моих способностей. Рукописи у меня и вправду всегда получаются довольно неряшливыми, с кучей поправок, опечаток и ляпов. Аркадий Натанович, который много лет проработал редактором, всего этого разгильдяйства совершенно не терпел и стремился к тому, чтобы рукопись представлялась в издательство в идеальном виде, – отсюда его желание сидеть за машинкой лично. У нас было правило: окончательный вариант перепечатывался начисто в двух, а то и в трех экземплярах, первый – в издательство, остальные – в архив.

БВ. Часто ли у вас с братом возникали споры?

БН. Вся наша работа была сплошным спором. Если одному из нас удавалось убедить другого в своей правоте – прекрасно. Если нет – бросался жребий, хотя это случалось довольно редко. У нас существовало простое правило: кому-то из соавторов не нравится фраза? Что же, это его право, но тогда его обязанность – предложить другую. После второго варианта может быть предложен третий, и так далее до тех пор, пока не возникает вариант, в ответ на который предлагать уже нечего. Или незачем.

БВ. Кому чаще удавалось убедить другого?

БН. В литературной работе я бы не взялся устанавливать какуюто статистику. Другое дело – обычные споры за рюмкой чая. Там чаще побеждал я, потому что был всегда более логичен, а Аркадий Натанович – более эмоционален.

БВ. Много лет в предисловиях к вашим книгам указывалось, что Аркадий Натанович – переводчик с японского, а Вы – астроном. Как Вы считаете, «отпечатались» ли такая нестандартная профессия на его личности – и на вашем творчестве?

БН. В первую очередь она повлияла на тот багаж знаний, который у него был. Аркадий Натанович очень много знал и очень много читал, у него была прекрасная библиотека на японском. Ему очень нравилось переводить, по мнению многих, он был одним из лучших переводчиков с японского. Но когда говорят, что все «японское», что есть в наших произведениях, –

это от Аркадия Натановича, а все астрономическое – от меня, то здесь все с точностью до наоборот! Если взять японскую поэзию, которая частенько присутствует в нашем творчестве, то в ней как раз, так сказать, специалистом был именно я. Аркадий Натанович был равнодушен к стихам, а моей жене когда-то подарили томик японской поэзии, и из него я постоянно извлекал подходящие к случаю строчки и эпиграфы. В свою очередь Аркадий Натанович превосходно разбирался в астрономии и прочитывал все, что выходило в этой области. Он вообще любил астрономию с детства – ведь именно он приучил меня к ней, он, школьником, делал самодельные телескопы, наблюдал солнечные пятна и учил меня этим наблюдениям. Так что 90 процентов астрономических сведений в наших книгах (за исключением самых специальных) – именно от него... Между прочим, нежную любовь к хорошей оптике он сохранил до конца дней своих. Вы не могли сделать ему лучший подарок, нежели мощный бинокль или какую-нибудь особенную подзорную трубу.

БВ. Есть еще известная легенда, что Аркадий Натанович был настолько добрым человеком, что всем начинающим писателям давал замечательные рецензии и очень многие пользовались этой его добротой...

БН. Это как раз не легенда, а святая правда: он действительно с таким сочувствием относился к начинающим писателям, что привлечь его на свою сторону было крайне легко. Я – другое дело, я более жесткий человек, хотя тоже иногда иду на поводу у молодого таланта. А когда я начинал ругать Аркадия Натановича за излишнюю мягкость, он отвечал: ведь от этого никто не пострадает, а человеку приятно, человек-то славный, надо же ему помочь. Впрочем, многое у него зависело от настроения в данный момент. Не дай бог вам было попасть ему под горячую руку – он мог быть и резок и свиреп.

БВ. Обладал ли Аркадий Натанович способностью предвидеть будущее, особенно – ближайшее?

БН. Думаю, что нет – так же, как и все прочие: таким даром не обладает никто. Предсказать, что случится в ближайшие 3–4 года, можно только случайно. Общую тенденцию указать несложно, – а вот сделать конкретный прогноз...

БВ. А когда вы с Аркадием Натановичем все-таки решались на прогнозы – они у вас совпадали?

БН. Принципиальных разночтений я не помню. Может быть, к концу жизни Аркадий Натанович стал более пессимистичен, чем я, – но эта разница была чисто количественной, а не качественной. Вообще-то, он был добр не только к людям, он был добр к человечеству, а значит – к будущей его истории.

БВ. Как Вы думаете, как бы мог отнестись Аркадий Натанович ко всему, что произошло после 1991 года: так же, как и Вы?

БН. Это совершенно однозначно: в общих чертах – так же, как и я. Конечно, могли быть какие-то разночтения в оценках отдельных лидеров и поступков, но в общем – мы были бы едины. Он безусловно резко отрицательно отнесся бы, например, к войне в Чечне – я в этом не сомневаюсь ни на секунду. Он одобрил бы реформы Гайдара – и в этом я уверен абсолютно. И конечно, резко, как он это умел, выступал бы против красно-коричневых.

БВ. Что Аркадий Натанович больше всего любил – и чего не терпел? БН. На этот вопрос трудно ответить однозначно: Аркадий Натанович 60-х годов и Аркадий Натанович 80-х годов – это два разных человека. Если говорить о последнем десятилетии, то он больше всего ценил покой, стабильность, устойчивость. То, чего ему всю жизнь больше всего недоставало. И соответственно, не любил он всевозможные передряги, встряски, сюрпризы и катастрофы.

БВ. Тот период нашей истории, на который пришлось последнее десятилетие жизни Аркадия Натановича, кажется, не отличался особыми катаклизмами и теперь именуется «застоем»... Полная стабильность – чего же еще?

БН. Аркадий Натанович ценил стабильность, но не любил гниения! Мы иногда с ностальгией вспоминаем о застое, когда все было так спокойно и устойчиво, но забываем, что это было спокойствие гниющего болота. Конечно, если бы вопрос встал так: такое вот гниение – или мировая война, в результате которой погибнет половина человечества, Аркадий Натанович выбрал бы гниение. Но между гниением и эволюционными бескровными изменениями он, конечно, выбрал бы последнее, хотя прекрасно понимал, что это такое: жить в эпоху перемен.

БВ. Его нелюбовь к «передрягам» связана с тем, что пришлось испытать в жизни, особенно в военные годы?

БН. Да, судьба трепала его без всякой пощады, особенно в первой половине жизни, – блокада, эвакуация, армия, бездомная жизнь, армейские будни, всевозможные «приключения тела»... Но нелюбовь его к передрягам – это все-таки скорее свойство возраста. В молодые-то годы мы оба с ним были р-р-радикалами и р-р-революционерами с тремя «р». Любителями быстрого движения истории, резких скачков и переломов. С годами приходит стремление к покою, начинаешь ценить его и понимать всю неуютность исторических передрыг. Без перемен – никуда, перемены нужны и неизбежны, – но их следует воспринимать как неизбежное зло, как горькую расплату за прогресс. Но это мы осознали позднее, а в молодости любые перемены казались нам прекрасными уже потому, что обещали новое. «Тот, кто в молодости не был радикалом, – не имеет сердца, кто не стал в старости консерватором – не имеет ума».

БВ. У кого из вас в большей степени присутствовал интерес к прекрасному полу?

БН. У Аркадия Натановича, конечно. Он был женолюб и любимец женщин, он ведь был красавец, кавалергард! Конечно, с годами он несколько успокоился, охладел, а в молодости был большим ценителем женского пола и хорошо разбирался в этом вопросе...

БВ. Братской конкуренции у вас никогда не возникало?

БН. Таких случаев я не припомню. И это, в общем, понятно – мы на самом деле не так часто общались, чтобы конкурировать, ведь жили-то большую часть жизни в разных городах и встречались только во время совместной работы. Даже если бы нам и пришла в голову сумасбродная мысль «пойти по бабам» – не было бы времени ее реализовать. Восемь-десять часов ежедневно сочинять, придумывать, ломать голову, перевоплощаться в других людей – занятие изматывающее, оно убивает, по-моему, всякий любовный азарт. «Дети и книги делаются из одного материала». А кроме того, эта сфера жизни оставалась для нас по некоему негласному соглашению – сугубо приватной и глубоко интимной. Вот нас иногда упрекают: почему в книгах Стругацких практически нет никакого секса? Это – от взаимного нашего нежелания обсуждать вопросы такого рода. Нам было неинтересно об этом говорить. И более того – неловко. Не помню разговоров на эту тему, разве что в далекой молодости.

БВ. Если это можно как-то сформулировать: чем был для Вас Аркадий Натанович?

БН. Когда я был школьником – Аркадий был для меня почти отцом. Он был покровителем, он был учителем, он был главным советчиком. Он был для меня человеко-богом, мнение которого было непререкаемо. Со времен моих студенческих лет Аркадий становится самым близким другом – наверное, самым близким из всех моих друзей. А с конца 50-х годов он – соавтор и сотрудник. И в дальнейшем на протяжении многих лет он был и соавтором, и другом, и братом, конечно, – хотя мы оба были довольно равнодушны к проблеме «родной крови»: для нас всегда дальний родственник значил несравненно меньше, чем близкий друг. И я не ощущал как-то особенно, что Аркадий является именно моим братом, это был мой друг, человек, без которого я не мог жить, без которого жизнь теряла для меня три четверти своей привлекательности. И так длилось до самого конца... Даже в последние годы, когда Аркадий Натанович был уже болен, когда нам стало очень трудно работать и мы встречались буквально на 5–6 дней, из которых работали лишь два-три, он оставался для меня фигурой, заполняющей значительную часть моего мира. И потеряв его, я ощутил себя так, как, наверное, чувствует себя здоровый человек, у которого оторвало руку или ногу. Я почувствовал себя инвалидом.

БВ. Это ощущение сохраняется у Вас и сейчас?

БН. Конечно, есть раны, которые не заживают вообще никогда, но сейчас ощущение собственной неполноценности как-то изменилось. Ко всему привыкаешь. Ощущение рухнувшего мира исчезло, я как-то приспособился – как, наверное, приспособливается инвалид. Ведь и безногий человек тоже приравнивается к реалиям нового бытия... Но все равно это была потеря половины мира, в котором я жил. И я не раз говорил, отвечая на вопрос, продолжится ли творчество Стругацких уже в моем лице: всю свою жизнь я пилил бревно двуручной пилой, и мне уже поздно да и незачем переучиваться... Надо жить дальше...

о Времени и о себе...

Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского

БВ. Борис Натанович, чем был обоснован Ваш выбор профессии? Почему в свое время Вас «потянуло» именно на математико-механический факультет университета, причем – на отделение астрономии?

БН. Все было очень просто. В последних классах школы я интересовался главным образом двумя дисциплинами. В первую очередь – физикой, во вторую очередь – астрономией. Физикой, естественно, атомной, ядерной. Тема тогда была модная, а мне как раз попало в руки несколько современных книг про атомное ядро и про элементарные частицы, и я их с наслаждением прочитал. Впрочем, «прочитал» – сказано слишком сильно. Там были и достаточно популярные книжки, а были и вполне специальные монографии, начинавшиеся прямо с уравнения Шредингера, которое я и двадцать лет спустя воспринимал как самую высокую науку. Книги эти в большинстве достались мне по наследству от Аркадия Натановича, который тоже всеми этими вещами в конце 40-х очень интересовался. И астрономией я тоже увлекался, опять же следуя по стопам старшего брата, который еще до войны сам мастерил телескопы, пытался наблюдать переменные звезды, а меня заставлял рисовать Луну, как она видится в окуляре подзорной трубы... Но изначально поступал я все-таки не на матмех, поступал я на физфак. Я был серебряным медалистом и имел все шансы поступить благополучно, но однако же ничего у меня не получилось. Почему – я точно не знаю до сих пор. По тогдашним правилам, каждый медалист должен был проходить так называемый коллоквиум, собеседование, после которого ему без всяких аргументов объявлялось решение. В моем случае это решение было: «Не принят». Это был 1950 год, медалистов собралось на физфаке человек пятьдесят, и только двоих не приняли. Меня и какую-то девочку, фамилии которой я не помню, но в памяти моей она ассоциируется почему-то с фамилией Эйнштейн. В общем, что-то там было не в порядке у этой девочки с фамилией... Почему не приняли? Есть два объяснения...

БВ. Уже началась известная антисемитская кампания?

БН. Она не просто началась, она была в самом разгаре. И хотя по паспорту я числился русским, тот факт, что я Натанович, скрыть было невозможно, да и в голову не приходило – скрывать. Может быть, мама что-то и понимала в тогдашней ситуации, а я уж был полнейшим беспросветным лопухом. Так что, возможно, дело было именно в отчестве. Особенно если учесть, что на коллоквиуме я честно и прямо заявил, что хочу заниматься именно ядерной физикой. Это был, конечно, опрометчивый поступок.

БВ. Насколько я помню, тогда в Советском Союзе ядерной физикой занималось очень большое число людей с аналогичными отчествами и фамилиями. Пожалуй, они даже составляли большинство в этой науке...

БН. Это так, но, видимо, были уже даны кому следует указания о том, что этих фамилий и отчеств вполне достаточно и пора бы это безобразие прекратить. (Позднее, помнится, это безобразие получило вполне бюрократическое определение: «засоренность кадров».) Однако и другое объяснение тоже вполне возможно: как-никак, отец наш был исключен из партии в

1937 году, и в партии его так и не восстановили. Я ничего этого, правда, в анкетах нигде не указывал (да и вопроса соответствующего в тех анкетах, кажется, не было), но те, кому было положено, наверняка об этих моих обстоятельствах знали. Должны были знать, по крайней мере. И также знали они, конечно, что мой дядя Александр Стругацкий – родной брат отца – был расстрелян в 1937 году. Вот эти два фактора, скорее всего, и сыграли свою роль... Я был в отчаянии, как сейчас помню, – удар был тем более страшен, что ничего подобного я не ожидал вообще. Мама, помнится, пыталась найти каких-нибудь знакомых из тех, кто работал в ЛГУ, чтобы как-то похлопотать, ничего у нее не получилось, естественно, но тут кто-то из этих знакомых посоветовал: попробуйте матмех, там же есть астрономия, а мальчик астрономией интересуется... И я пошел на матмех. Там я тоже оказался в толпе медалистов, но на сей раз благополучно поступил, без всяких трудностей, если не считать того обстоятельства, что меня предварительно основательно помучили – вызвали на собеседование самым последним. Впрочем, все это уже были совершенные пустяки. Я не очень горевал, оставшись без своей ядерной физики: как-никак, астрономия тоже была моей любовью, пусть даже и второй, и впоследствии занимался я астрономией и математикой с большим удовольствием и прилежанием. БВ. Как складывалась Ваша судьба после окончания университета? Вы сразу попали в Пулковскую обсерваторию?

БН. Отнюдь не сразу – по распределению я должен был идти не в обсерваторию, а в университетскую аспирантуру при кафедре астрономии. Но мне заранее сообщили по секрету, что меня, как еврея, в эту аспирантуру не возьмут.

БВ. Это ведь был уже 1954 год – казалось бы, «дело врачей» позади...

БН. Тем не менее по существу мало что изменилось. Один из моих знакомых случайно подслушал разговор в деканате на эту тему и сразу мне об этом доложил. Действительно, на кафедру меня не взяли, но взяли в аспирантуру Пулковской обсерватории. Так что опять все закончилось более или менее благополучно.

БВ. Чем Вы занимались в обсерватории?

БН. Еще в Университете я сделал довольно любопытную, по мнению моего научного руководителя Кирилла Федоровича Огородникова, курсовую работу. Связана она была с динамикой поведения так называемых широких звездных пар. У меня получился довольно интересный результат, на основании которого меня, собственно, и намеревались взять в аспирантуру – я должен был сделать на этом материале диссертацию. И действительно, на протяжении двух с половиной лет я эту диссертацию делал, и все было очень хорошо...

БВ. А потом случилась многократно описанная в Ваших биографических материалах история...

БН. Да, а потом выяснилось (сам же я и выяснил, роясь в обсерваторской библиотеке), что эту мою работу уже сделал в 1943 году Чандрасекар. Было, конечно, чрезвычайно лестно независимым образом повторить путь великого Чандрасекара, но не такой же ценой! Защищать мне стало нечего, новую диссертацию за полгода до окончания срока начинать было бессмысленно, и все закончилось тем, что диссертацию я так и не написал и прошел, как тогда называлось, только теоретический курс аспирантуры. Эта история в значительной степени выбила меня из колеи, но и на сей раз все завершилось относительно благополучно. Я пошел работать на счетную станцию Пулковской обсерватории – уже тогда там был отдел, где стояли счетно-аналитические машины, на которых производились научные расчеты. Это были гигантские электрические арифмометры, размером три метра в длину и полтора метра в высоту, они страшно рычажили, гремели и лязгали своими многочисленными шестернями, перфораторами и печатающими устройствами... Никакого программирования в то время, естественно, не было, но было так называемое коммутирование – можно было все-таки научить эти электрические гробы тому, что от природы дано им не было. Изначально они были предназначены исключительно и только для сложения и вычитания (а также для печатания результатов вычислений), но их

можно было научить умножать, делить и даже извлекать квадратный корень. Это было весьма увлекательное занятие, и я несколько лет с большим удовольствием занимался этой работой.

БВ. Что именно Вы считали?

БН. Счетная станция занималась обслуживанием всей обсерватории, самые разные ученые приходили и приносили свои наблюдения, которые надо было обрабатывать. Задача моя состояла в том, чтобы провести простейшие расчеты (сложные расчеты все равно было сделать невозможно) и обеспечить красивую публикацию результатов. Эту задачу, кстати, табуляторы решали очень хорошо – печатали красивые табулограммы, необходимых размеров, на рулонах прекрасной бумаги... В основном мы занимались обработкой наблюдений астрометрических каталогов, астрофизикам и «солнечникам» у нас делать было нечего. Так я проработал почти десять лет и окончательно ушел из Пулкова, кажется, в 1964 году. До этого несколько лет я работал на половине ставки, а потом ушел совсем – после того как меня приняли в Союз писателей.

БВ. Вам стала неинтересна работа в обсерватории?

БН. Честно говоря, она мне стала неинтересна значительно раньше. Я держался за обсерваторию не потому, что там было так уж интересно работать, а потому, что там собрались самые мои любимые друзья (оставшиеся любимыми и до сегодняшнего дня, кстати)... А кроме того, не забывайте: это же были времена, когда каждый был обязан где-то служить! Ты не мог никакому участковому (пришедшему с проверкой) объяснить, что ты не тунеядец какой, а, наоборот, пишешь большой роман...

БВ. Сразу вспоминается хрестоматийная история с судом над Иосифом Бродским, которому популярно объяснили в советском суде, что писать стихи – это и не работа вовсе...

БН. И послали грузить навоз... Поэтому я, как и всякий советский человек, должен был иметь соответствующий документ о том, что я где-то там служу. И до тех пор пока я не стал членом Союза писателей, определив таким образом свой статус формально и официально, я должен был как минимум числиться в обсерватории. А с 1964 года я уже мог всем официальным лицам объяснять, что работаю, мол, писателем, вот книжечка, членский билет, – и никто бы не посмел ко мне приставать с неприятными вопросами.

БВ. В Ваших автобиографических материалах встречается фраза о том, что, когда Аркадий Натанович в 1955 году окончательно вернулся в Ленинград, он обнаружил в выросшем брате «молодого ученого, эрудита и спортсмена». Вы занимались каким-то спортом? Кажется, я где-то читал, что Вы активно лазали по горам?

БН. Это вы, Боря, что-то путаете. Я лазал по горам – но не слишком активно и всего два или три раза в жизни. Да и не горы это были вовсе, а скорее скалы, и правильнее это было бы называть не альпинизмом, а скалолазанием. И для меня это было совершенно случайное занятие – я тогда проходил практику в Абастумани, в Грузии, и мы с приятелями развлекались тем, что лазали по скалам-стенам. Длилось это совсем недолго, не дольше месяца... Впрочем, спортсменом, если можно так выразиться, я действительно был – со школьных лет занимался гимнастикой, дослужился до второго разряда. Пока работал в Пулкове, много (и с наслаждением) играл в волейбол – тоже стал разрядником – и в пинг-понг тоже игрывал не без успеха – вот и все мои спортивные увлечения. Если не считать, конечно, автолюбительства, которым я увлекаюсь много-много лет и которое иногда тоже считают спортом, хотя, по-моему, никакой это не спорт.

БВ. С каких времен Вы за рулем?

БН. С 1960 года, с времен экспедиции на Северный Кавказ. Тогда шли активные поиски места для строительства 6-метрового сверхтелескопа-рефлектора, который сейчас стоит недалеко от станицы Зеленчукская. Телескоп еще делали на заводе, а мы тем временем в нескольких районах Советского Союза производили изыскания – где наилучший для астрономических наблюдений климат, где наименьшие мерцания, где самая спокойная атмосфера, самая

высокая прозрачность и так далее. Был специальный цикл таких экспедиционных наблюдений летом 1960 года, и около четырех месяцев я провел на Северном Кавказе в поисках этого наилучшего места. Вообще, было организовано несколько подобных экспедиций: две на Северном Кавказе, одна в Туркмении, одна – на Дальнем Востоке и еще где-то. И в конце концов место выбрали – правда, не то, которое рекомендовала наша группа, а то, которое нашли наши соседи. Там сейчас этот гигант и стоит вот уж без малого сорок лет... В нашей экспедиции было две автомашины (грузовик и «козел»), и, конечно, удержаться от соблазна «поводить» было совершенно невозможно. К тому же оба наши шофера охотно и с удовольствием обучали желающих. Именно тогда я и начал водить и вожу вот до сих пор.

БВ. Когда у Вас появилась собственная машина?

БН. Это случилось гораздо позже, в 1976 году. Но до того ведь существовал прокат автомобилей – ныне совершенно забытое явление, разрешенное к жизни еще Хрущевым. Вы могли пойти на станцию проката (на Конюшенной площади), взять машину на несколько дней и ездить на ней сколько хочется и куда угодно. После ухода Хрущева автопрокат прикрыли (по-моему, году в 65-м), но пока он существовал, мы им пользовались на полную катушку и с большим удовольствием объездили всю Прибалтику, Карелию, частично – Белоруссию, Украину, Молдавию... Потом у меня получился большой перерыв, когда я машину практически не водил совсем, а с 1976 года, когда у меня появился «запорожец», мы начали ездить снова...

БВ. «Запорожец» – который «ушастый»? Или еще «горбатенький», по поводу которого шутили, что водитель не слышит шума мотора, потому что уши зажаты между колен?

БН. Нет-нет, это был уже «ушастый», последнее слово тогдашней техники. Замечательная машина, между прочим. Для молодого человека – вообще идеальная машина. Для молодого, полного сил и здоровья, и особенно если у него еще есть вдобавок склонность к работе руками... у меня, к сожалению, такой склонности не было, но у моих друзей она была, некоторые из них просто замечательно умели работать руками. Так вот, если ты умеешь сам чинить машину, если ты не боишься и если ты любишь тяжелые дороги – «запорожец» – это именно то, что тебе надо. Самая высокая проходимость – из любой ямы можно вытолкать руками и даже просто вынести, если вчетвером. Гладкое дно – нет карданного вала, поскольку двигатель сзади, и машина не цепляется за камни и неровности. Очень удобная машина, всячески рекомендую. Правда, теперь это уже иномарка... Через несколько лет я поменял свой «запорож» на «Жигули» и с тех пор придерживаюсь только этой марки.

БВ. Вы путешествовали с компанией?

БН. Всегда. Сперва у нас была одна машина, потом две, потом три – на семь-восемь человек.

БВ. Аркадий Натанович с вами ездил?

БН. Аркадий Натанович никогда не участвовал в этих путешествиях. Он был ярым противник автомобилизма вообще.

БВ. Почему?

БН. Я думаю, у него сохранились самые неприятные воспоминания о тех временах, когда в армии его учили водить автомобиль. И он на грузовике совершал какие-то невероятные подвиги, связанные с прошибанием насквозь встречных заборов, задавливанием поперечных коров и тому подобное. С тех пор у него сохранилась устойчивая идиосинкразия к автомобильному рулю. Да он и вообще не был поклонником туризма... Братья Стругацкие, надо сказать, начиная с определенного возраста – лет примерно с сорока каждый, – оба стали склонны к оседлому образу жизни. Идеальным вариантом отпуска для них было – лежать дома на диване и читать хорошие книги. Вытащить их из этого состояния и заставить куда-то поехать – это всегда была проблема для их родных и близких. С Аркадием Натановичем большая проблема, с Борисом Натановичем проблема поменьше, но обязательно – проблема. Аркадий Натанович вообще предпочитал большую часть времени проводить дома. Хотя и его, конечно, жена время

от времени вытаскивала куда-нибудь – в Дом творчества, скажем, на море, к знакомым, к родственникам. Но зато он был удивительно легок на подъем, когда речь заходила о «боевых походах» писательских бригад. Вот затеи, в которых я ни разу в жизни не принимал участия, а он участвовал неоднократно и не без удовольствия.

БВ. Можно чуть поподробнее – что это за боевые походы? Писать на месте о великих достижениях в строительстве социализма?

БН. Нет-нет, скорее наоборот. Волею отдела пропаганды литературы сколачивались бригады из самых разных писателей и отправлялись на периферию, но не для того, чтобы там писать, а для того, чтобы выступать перед народом. Как правило, принимали их там очень хорошо, местное начальство перед ними стелилось, не знало, как получше угодить «столичным штучкам», и все было весьма приятно и удобно. Аркадий Натанович любил это дело и раз в два года обязательно куда-нибудь ездил: либо в Среднюю Азию, либо на Дальний Восток, либо на Кавказ. Тут с ним вообще имело место какое-то противоречие: с одной стороны, Аркадий Натанович был совершенно несрываем с насиженного места, а с другой стороны, он вдруг срывался и мчался сломя голову в путешествие, на которое я бы, например, никогда не решился. Скажем, ехать на Дальний Восток через всю страну.

БВ. За границей братья Стругацкие бывали?

БН. С этим у нас было очень трудно, хотя изредка мы и ездили, конечно... Я, например, ездил в Польшу даже трижды. Наша польская переводчица – Ирена Левандовска – меня буквально «вытягивала» туда, говоря: приезжай, хоть гонорар получишь. Гонорары же из-за границы иначе было получить никак невозможно, только приехав туда лично. Аркадий Натанович тоже ездил – в Чехословакию на какие-то празднества по поводу Чапека, но вообще мы ездили очень мало. Аркадия Натановича неоднократно приглашали в Японию – он же был японист все-таки, и в Англию его приглашали, но куда его никогда не пускали и всякий раз ехал вместо него кто-нибудь другой. Почему нас не пускали? Видимо, у нас была дурная слава: зачем их пускать за границу таких-разэтаких, как бы чего не вышло. Но, естественно, никаких объяснений никто нам никогда не давал. Приглашение пришло на Стругацкого, а поехал вместо Стругацкого какой-нибудь Пупков-Задний...

БВ. Вы ведь еще и беспартийным были... Вступать в партию Вас не уговаривали?

БН. Единственный раз, и было это еще на четвертом курсе Университета. Но я совершенно искренне ответил тогда предложившему, что считаю себя недостойным такой высокой чести. Хотя я был круглым отличником и даже старостой группы. В те времена, по слухам, каждый староста группы был официальным стукачом деканата, но это неправда. Я, например, стукачом не был, и меня к этому даже никогда особенно и не склоняли... Хотя, с другой стороны, я отлично помню странную беседу, когда на первом курсе всех старост собрал заместитель декана и что-то такое внушал нам о том, что если мы, мол, узнаем, что наши товарищи совершают какие-то опрометчивые поступки, так мы должны об этом ему немедленно сообщить – чтобы можно было их от этих опрометчивых поступков удержать. Я тогда страшно возмутился и даже написал Аркадию свирепое письмо: что они, из меня ябеду хотят сделать? Мой дружок Чистяков промотал матанализ, а я об этом должен доложить в деканат? Да за кого они меня там принимают?! Теперь-то я понимаю, что замдекана имел в виду нечто совсем другое. Но тогда я был очень зеленый, очень глупый и безукоризненно «правильный», я висел на Доске Почета, я занимался общественной работой, выпускал факультетские «молнии», ездил в колхоз... Впрочем, никогда более предложений вступить в партию мне не делали – и слава богу.

БВ. А Аркадию Натановичу?

БН. И ему тоже. Какое там! Он же был в свое время исключен из комсомола... Нет, в этом смысле мы были людьми совершенно бесперспективными.

БВ. Однако известно, что Аркадий Натанович, когда возникали какие-то сложные ситуации с изданием книг, начинал бушевать и кричать, что он пойдет в ЦК партии, добьется правды и наказания виновных...

БН. Это была просто такая норма поведения: когда обижают – надо идти или писать в ЦК. Основная масса наших обращений в ЦК была связана с эпопеей вокруг «Пикника на обочине». И это был единственный, совершенно уникальный случай, когда нам удалось заставить издательство выпустить книгу против его воли.

БВ. Вы помните свои ощущения, когда вышла самая первая Ваша с Аркадием Натановичем книга?

БН. Помню очень смутно, но помню, что это было счастье. Правда, какое-то усталое счастье – «Страна багровых туч» выходила то ли два, то ли даже три года, и мы уже просто устали ее ждать. Так что все радости наши по этому поводу носили, так сказать, остаточный характер. К тому же это была не первая наша публикация – мы уже успели опубликовать несколько рассказов и сделались даже более или менее известны в узких кругах. Вообще так уж устроена была наша писательская жизнь, что счастье от выхода любой из наших вещей практически всегда было чем-то испорчено. Мы радовались, конечно, когда вышел наш первый рассказ (в 1958 году), но радость эта была сильно подпорчена: ведь вышел он в основательно изуродованном и сокращенном виде.

БВ. И все-таки выход какой из книг принес братьям Стругацким наибольшее удовлетворение?

БН. Сборник, где были «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом». Он вышел практически без волокиты и практически совсем не был изуродован и к тому же содержал две повести, которые мы для себя считали тогда эпохальными.

БВ. Сейчас Алексей Герман снимает «Трудно быть богом» – что Вы об этом думаете?

БН. Наверное, уже снял – по моим расчетам, он должен был бы уже закончить съемки. У этого фильма очень старая история: сценарий мы написали еще в 1968 году, но ничего тогда со съемками не получилось. Потом, уже в начале перестройки, Алексей Юрьевич пришел и сказал: вот, настало время, надо снова попытаться. Я ему честно признался тогда: Леша, нам уже это не очень интересно. Уже не те годы на дворе, уже книга эта перестала быть нашей любимой и актуальной быть (на наш взгляд) перестала. Тогда, в конце 80-х, казалось, что она перестала быть актуальной навсегда и уже никогда ей таковой не бывать... Но вот два года назад Герман пришел снова, сказал, что где-то раздобыл деньги и будет снимать. Я, конечно, обрадовался, но снова сказал, что заниматься этим не буду, пусть уж он все решает сам и делает то, что захочет.

БВ. Фильм Германа поставлен по вашему сценарию 1968 года?

БН. Этот сценарий тогда исчез, мы не могли найти ни одного экземпляра, потом Герман где-то его разыскал и положил в основу своего нового сценария, но, насколько я понимаю, снимать он будет совсем другое кино. Я жду выхода этого фильма с большим интересом. Знаю, что Леонид Ярмольник будет играть Румату. Этот выбор, я знаю, очень многих ошарашил, но мне кажется, что такой талантливый человек, как Ярмольник, сможет сыграть и такую, как бы совсем не подходящую ему роль. Я прекрасно помню, как в свое время Ролан Быков загорелся сниматься в роли Руматы!..

БВ. Как-то плохо я себе это представляю...

БН. Вот и Герман ему тогда: да куда тебе, ведь Румата по сценарию – красавец, громадный мужик, на что Ролан Антонович ему очень остроумно ответил: «Брось, все же очень просто! На этой планете все люди значительно выше ростом, чем земляне. Это Румата на Земле – очень рослый человек, а там, Арканаре, он среди арканарцев – совсем небольшого росточка мужчина...» И знаете, я уверен, что Быков сыграл бы Румату великолепно. Есть на свете такие актеры, которые могут сыграть все что угодно, и Быков был один из них.

«Главная тема Стругацких – это выбор...»

Из ответов Аркадия Натановича Стругацкого на вопросы, заданные разными людьми в разное время

Каким Вы были в шестнадцать лет?

1941-й год. Ленинград. Канун войны. У меня строгие родители. То есть нет: хорошие и строгие. Сильно увлечен астрономией, математикой. В шестнадцать лет я влюблен. Я категоричен: все знал, все умел, лучше всех понимал существующее положение. Только удивлялся, почему не понимают другие...

Существует легенда, что первую большую совместную вещь – «Страну багровых туч» – вы с братом написали на спор: то ли за неделю, то ли за ночь. Это правда?

Как всякая легенда – только отчасти. Перед этим мы с Борисом и моей женой гуляли по Невскому проспекту, а только что вышла на редкость слабая книжка одного украинского фантаста. Мы с братом разругивали ее, как могли, а жена шла в середине, слушая, как мы изошлялись. Наконец терпение ее лопнуло. «Критиковать все могут, – сказала она, – а сами, поди, и такого не напишете». Нас, разумеется, взорвало: да не вставая из-за стола... Кажется, заключили пари, сколько писали – не помню. Полкнижки – я, полкнижки – Борис, потом состыковали эпизоды, убрали накладки и понесли в издательство. К нашему удивлению – через год напечатали, и пари мы выиграли. Но на самом деле выигрыш был куда больше: оказалось, что мы с братом вполне можем писать сообща.

Почему в ваших произведениях, как правило, нет женщин на главных ролях?

Толстой говорил, что можно выдумать все, кроме психологии. А я отказываюсь понимать мотивы женских поступков. Писать же о том, чего я не понимаю, я не умею. И вообще, женщины для меня как были, так и остаются самыми таинственными существами на Земле: они знают что-то, чего не знаем мы, люди...

Считаете ли вы с братом себя прогрессорами?

Прогрессором в том понимании этого слова, которое ему придаем мы, обязан быть каждый писатель. И не только писатель. Любой школьный учитель, если учит добру, понятиям чести и справедливости, – своего рода прогрессор. Хотя, конечно, встречаются и «Регресоры»...

Бывают ли случаи, когда Вы не знаете, чем закончится книга?

Никогда еще в истории нашей с братом деятельности книга не кончалась так, как мы задумали. Мы всегда знаем, о чем пишем, – и всегда ошибаемся. Причем это выясняется не в конце, а в середине книги...

Есть ли для Вас какая-то самая главная тема?

Главная тема Стругацких – это выбор. Долгое время мы не осознавали, что это так, и «нечувствительно» писали именно об этом. И осознали мы это не сами – читатели подсказали...

Вопрос – ответ

Борис Стругацкий отвечает на анкету газеты «Петербургский литератор», 1992 год

1. Страна, к которой Вы относитесь с симпатией?
Великобритания.
2. Самая замечательная историческая личность?
Януш Корчак.
3. Историческая личность, вызывающая у Вас отвращение?
Ем. Ярославский.
4. Самый выдающийся человек современности?
Солженицын.
5. За что Вы любите своего друга?
За все.
6. Ваши отличительные черты?
Рациональность, склонность к рефлексии.
7. Чего Вам недостает?
Бытового оптимизма.
8. За что Вы любите жизнь?
За все.
9. Что бы Вы подарили любимому человеку, если бы были всемогущи?
Здоровье.
10. Чего Вы хотите добиться в жизни?
Свободы.
11. Ваш идеал женщины?
Верность+доброта+ум.
12. Ваш любимый афоризм, изречение?
«Все проходит».
13. Что бы Вы сделали в первую очередь, будучи главой государства?
Обеспечил бы свободу свободным духом.
14. Ваша мечта?
«Они жили долго и умерли в один день».

Борис Стругацкий: «не звоните в прошлое»

Ответы на вопросы анкеты «Новой газеты» 4 декабря 2003 года

1. Что может вас оттолкнуть от человека при первом знакомстве?
Это зависит от обстоятельств. Например, если он будет пьян.
2. О чем вас бесполезно просить?
Бесполезно просить меня сделать что-то такое, что я делать не умею. Например, «походить по начальству».
3. О каком не совершённом поступке вы сожалеете?
Вспоминается чушь какая-то – из области филателии: не купил марку, которую предлагали сравнительно дешево.
4. Какую книгу вы бы не позволили прочесть своим детям?
Это, естественно, зависит от возраста детей. Но, вообще-то, я плохо представляю себе, как я что-то «не позволяю». «Не советую» – еще туда-сюда. А запрещение, как известно, это лучшая реклама.
5. Нелюбимая еда, нелюбимая одежда?
Ненавижу овсяную кашу. И галстуки.
6. Что для вас труднее – выслушивать слова благодарности или извинения?
Благодарности, пожалуй. Но и извинения – тоже не сахар.

7. Что вы могли бы делать своими руками на продажу? Программу для компьютера. У меня даже есть парочка таких, да вот покупателей что-то не видно. Впрочем, я их и не ищу.

8. Какое свойство юности вы бы мечтали себе вернуть?

Силу, гибкость, скорость – вообще свободу владения своим телом.

9. Сумма наличных денег при себе, без которой вы чувствуете себя некомфортно? Некомфортно я чувствую себя без нитроглицерина.

10. На что ежедневно не хватает времени?

На чтение текстов, которые я обязан прочитать.

11. Идеал женщины?

Имеется в виду реальный человек? Мама, наверное.

12. Идеал мужчины?

Нет такого. Все – без исключения – известные мне мужчины обременены существенными недостатками.

13. Элемент комфорта, без которого труднее всего обойтись?

Диван. Кресло. Компьютер.

14. Есть ли реалии советской эпохи, по которым вы скучаете?

Да, есть одна такая реалья: моя молодость.

15. Назовите три, на ваш взгляд, определяющие приметы современной России.

Абсолютная бедность, абсолютное богатство, относительная свобода.

16. Сколько дней отпуска вы можете себе позволить за один раз? Дней двадцать. Но это не настоящий отпуск. Просто рядом нет компьютера, но «мысли-то, мысли куда девать!?!» Последний

«настоящий» отпуск был у меня лет пятьдесят назад.

17. Если бы у вас была возможность позвонить в прошлое, кому и для чего вы бы позвонили?

Не стал бы этого делать ни при каких обстоятельствах! Не шутите с прошлым, – пусть остается там, где оно есть.

18. На какой вид благотворительности вы бы с удовольствием тратили деньги?

Я могу представить себе много таких видов (больше, чем имею на то возможностей), но при одном – существенном! – условии: все расходы должны находиться под моим контролем.

19. Что в людях вас раздражает больше всего?

Лживость и подлость.

20. Какой из смертных грехов (гордыня, зависть, алчность, чревоугодие, похоть, уныние, гнев) кажется вам не таким уж и смертным?

Чревоугодие, конечно!

21. Житейская мечта?

Успеть все, что начал. И сразу же начать что-нибудь еще.

Краткая шуточная биография Аркадия Стругацкого (с комментариями Бориса Стругацкого)

Армия

В лихой своей армейской юности Аркадий Натанович с товарищами офицерами был любитель ездить на базар (другие версии – в винно-водочный и книжный магазины) на танке (другая версия – на бронетранспортере), вызывая у глубоко штатских окружающих, у кого – недоумение, у кого – неудержимое веселье.

Бескомпромиссность

1976 год. В Союзе писателей СССР идет заседание комиссии по фантастике. Обсуждается издательская политика издательства

«Молодая гвардия» и лично заведующего редакцией фантастики Ю. Медведева, делавшего все возможное и невозможное, чтобы в «Молодой гвардии» Стругацкие не печатались.

Слово берет Аркадий Натанович. Это буря в пустыне. Он бросается в атаку, как бесстрашный бультерьер из рассказа СетонТомпсона.

После заседания критик Владимир Гопман спрашивает Стругацкого:

– Аркадий Натанович, ну что вы на них полезли, у вас же в «Молодой гвардии» книжка должна выйти!

– Не могу. Суку надо бить. Обязательно надо бить суку!

Блокада

Говорить о блокаде Аркадий Натанович очень не любил. Иногда говорил только, что там было слишком страшно, чтобы об этом рассказывать.

После блокады – он был вывезен из осажденного Ленинграда в самом ее конце – Аркадий Натанович потерял почти все зубы. И знаменитые усы он отпустил не столько для красоты, сколько для того, чтобы замаскировать отсутствие передних зубов. Однако лишь близкие знали об этом. Аркадий Натанович сумел научиться говорить так, что нечасто видящие его ни о чем не догадывались.

Благородство

Середина 70-х. Денег нет ни у Аркадия Стругацкого – его с братом прозу не печатают совсем, ни у его друга, переводчика с вьетнамского Мариана Ткачева, – его печатают очень и очень редко. Тем не менее, всегда, когда Мариан Ткачев уезжает из Москвы, Аркадий Натанович звонит его жене и спрашивает:

– Инна, скажи честно: деньги еще есть или уже кончились?

И надо было не просто ответить, что деньги есть, а ответить не задумываясь. Иначе Аркадий Натанович мог привезти последние, а домой возвращаться через весь город пешком – мелочи на обратную дорогу у него могло не оказаться.

Внуки

Дочь Аркадия Натановича Мария ждала ребенка. Аркадий Натанович после долгих уговоров позвонил Мариану Ткачеву:

– Марик, ты знаешь. Маша скоро должна родить... а у тебя жена работает в Институте акушерства и гинекологии... может быть, можно Машу туда устроить?..

– О чем ты говоришь, Натаныч?! Конечно!

Родился внук. Инна Ткачева позвонила Стругацкому:

– Аркадий, у тебя внук. Можешь приехать посмотреть.

Жена Ткачева вынесла в приемный покой запеленутого мальчика.

Аркадий Натанович взглянул на внука – и побледнел.

С воплем: «Он какой-то красный! Он, наверное, больной! Не жилец!» Аркадий Натанович бросился прочь из приемного покоя. За ним бежала Инна Ткачева с внуком и кричала: «Аркадий, остановись! Они все такие! Они все красные!» – а за ней – врачи с книжками, которые кричали: «Аркадий Натанович, дайте, пожалуйста, автограф!»

Встречи с читателями

- Вы над чем-нибудь сейчас работаете? А.Н. Стругацкий, сердито:
- Конечно, работаю. Не могу же я 24 часа в сутки водку пить. Вопрос из зала:
- Скажите, как вы относитесь к постановлению партии и правительства об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом?

А.Н. Стругацкий начинает бормотать что-то невнятное, что, конечно, дело нужное, правильное... Потом, вздохнув:

- Вообще-то вопрос не по адресу. Я же – потребитель этой гадости...
- Вопрос из зала:
- Говорят, вы встречались с Лемом. Расскажите об этой встрече.
 - Да, когда я был в Чехословакии на Чапековском конгрессе, я встречался и разговаривал с Лемом. Скажу вам честно: ничего особенного...
- Шум в зале, смех, возглас: «Так ему!»
- Нет, вы меня неправильно поняли. Разговор был заурядный.
- А писатель он, конечно, гениальный...

Галстук

Аркадий Натанович Стругацкий в галстуке – это просто фантастика. Никто и никогда не видел его в галстуке. Рубашка летом, свитер под пиджак зимой – вот высшая степень светскости, которую он себе позволял. Иногда, когда действия его врагов были особенно вопиющими, он приходил в бешенство и кричал на весь дом: «Я этого так не оставляю! Я в ЦК пойду! Где мой галстук?!»

В ЦК – действительно ходил. Но галстука в доме не было.

Гауптвахта

Аркадий Натанович Стругацкий был не самым дисциплинированным курсантом. Иногда он попадал на «губу». Однажды сквозь окно камеры на гауптвахте он увидел: к зданию подрулило два американских «доджа-три-четверти», и из машин веселые офицеры начали выгружать диковинки: пиво, редкие грузинские вина, сыры, колбасы, копченую рыбу, дичь... Вскоре дверь камеры открылась, и все это великолепие внесли к арестантам. Оказалось, Стругацкий сидел на «губе» вместе с сыном маршала Конева. Мать чада тайком от отца решила подкормить отпрыска. Начался пир. Когда провизия кончалась, «доджи» подвозили новую. Когда же кончился срок отсидки, курсанты не хотели покидать гауптвахту.

В следующий раз Аркадий Натанович опять попал сюда вместе с сыном маршала. Предвкушая новый пир, он поглядывал в окно, но «доджи» запаздывали. Было обидно: специально попал на «губу» – и сидит голодным.

На следующее утро выяснилось: маршалу стало известно о мягкосердечии жены, он рассердился и запретил ей баловать сына. Офицеры-порученцы получили по выговору. А Стругацкий и сын маршала больше не пировали.

Деньги

Конец семидесятых. Один из приятелей Аркадия Натановича позвонил ему по телефону: «Я недалеко от тебя, хотел зайти. Можно?»

- Заходи, конечно. Правда, у меня есть почти ничего. Ты бы хлеба купил и немного масла.

– Аркадий, может, у тебя денег нет? – догадался приятель.

– Да в общем, есть, но... Короче, приходи – увидишь.

Приятель пришел с двумя батонами хлеба и килограммом масла.

Выставили на стол бутылочку коньяка...

– Погоди, – сказал Аркадий Натанович. И открыл холодильник. В совершенно пустом холодильнике стояла килограммовая банка черной икры.

Денег у Аркадия Натановича действительно не было. Советских. А вот чеки Внешпосылторга водились. В СССР Стругацких действительно не публиковали. А в США, Германии, Японии, Чехословакии, Польше, Болгарии, Англии, Франции – многотомники и отдельные издания. Стругацкие в те годы были самыми публикуемыми на Западе советскими авторами.

Дети

Одна из дочерей Аркадия Натановича – Наталья – училась в Московском Институте стран Азии и Африки. Однажды она шла по коридору ИССА и услышала шепот за спиной:

– Мужики, гляньте: вон идет дочь братьев Стругацких!

Комментарий БН:

Видимо, это – абсолютно достоверно. В точности то же произошло в Дт «Гагры» – моя жена услышала о себе краем уха: «Вот идет жена братьев Стругацких».

Аркадий Натанович был хорошо знаком с Владимиром Высоцким. Аркадий Натанович восхищался песнями Высоцкого и особенно обожал «В далеком созвездии Тау-Кита», которую как-то заставил петь Высоцкого четыре раза подряд. А Высоцкому очень нравились повести Стругацких. Особенно «Гадкие лебеди». Одного из своих сыновей Высоцкий назвал Аркадием – в честь Стругацкого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.